

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-92

Издательство выражает благодарность
за помощь в получении прав
литературному агенту **Ирине Горюновой**

Издательство выражает благодарность
за работу над изданием
литературному редактору **Инге Кузнецовой**,
фотографу **Андрею Федечко**

Охлобыстин, Иван Иванович.

О-92 Небылицы и думы / Иван Охлобыстин. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Миры Охлобыстина).

ISBN 978-5-17-120075-6

В новой книге знаменитого актера, священника и хулигана Ивана Охлобыстина на наших глазах реальная жизнь сплавляется с дерзким вымыслом в жанре иронического детектива, а фэнтези в лубочном стиле с экстравагантными идеями создания нового мира, которые, впрочем, очень в духе русских мыслителей всех времен.

Мечты, мечты... Что может больше сказать о человеке, чем его личная утопия? Но как же все это кинематографично! С каким жаром и щегольством написано!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120075-6

© Текст. Иван Охлобыстин, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2020
© Фото, Андрей Федечко

ЛИЧНАЯ НИША

(вместо предисловия)

Набрал в поисковике ВК свое имя и обрел шесть-
сот восемь себя. Фейки.

Я почитал истории некоторых из них и по-
разился разнообразию — от двенадцатилетней
троечницы из Липецка до пятидесятилетнего
инспектора таможенной службы. Я посмотрел
фотографии в альбоме рыбака из Финляндии.
Я наткнулся на злобнейшего отрока-тролля из не-
полной семьи, вынужденного таскаться по миру
вслед то за мамой, то за папой. Я умилился на-
ивной, сердечной чистоте барышни сомнитель-
ных заработков. Я «скрипнул зубами» в унисон
уволенному в запас морпеху. Я улыбнулся пре-
старелой даме, всю жизнь положившей на иссле-
дования творчества малоизвестного белорусско-
го поэта. Я помолился с несколькими сотнями

просто хороших людей под ником «Иван Охлобыстин». Трое из шестисот восьми умерли. Один в аварию попал, другой утонул, третий — неизвестно как.

В оставшихся шестистах пяти весь мир представлен. И светлые, и темные его стороны. Все «за», все «против».

Это как долго в Рождественскую ночь в зеркало глядеться. Можно заглянуть в собственную душу с «другой стороны».

В личную нишу массового бессознательного.

Часть первая

**ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ
ДЬЯВОЛОМ**

Как я сошел с лыжни

В субботу, за просмотром сериала «Сегун», на эпизоде прозрения Анджин-сана, я в который раз пришел к удивительному умозаключению: для того чтобы стать свободным от зависимостей, необходимо как минимум их приобрести.

Прежде, следуя этой противоречивой, но вполне практичной формуле, я приложил все возможные усилия, дабы увить свое кукурузное бытие веригами разной тяжести и плетения. Здесь было все: и аляповатые представления о гражданском долге, и неудобоваримые дружеские обязательства, и иссушающие мозг эстетические идеалы.

Так вот: по достижении возраста истинной половой зрелости упоенный соратник муз, сиречь я,

Иван Охлобыстин, оказался в состоянии полной кабалы и услужения десятку-другому жизнерадостных трутней, в отличие от меня абсолютно не терзающихся устремлениями к вожаденной свободе. Они ее попросту имели от рождения по состоянию здоровья.

Так могло продолжаться бесконечно, когда бы прозаика (меня) не начала терзать ипохондрия и мигрень. Именно тогда мне на выручку и подоспела любовь. О любовь! Имя тебе — Оксана! Едва взглянул в ее глаза, как уже имел пятерых детей, стиральную машину «Индезит» и смерть в семидесятисемилетнем возрасте от анемии. Не знаю, что распознала она в свечении моих глазных яблок. Но первой ее фразой было откровение: «Честно признаться, до этого я жила только искусством».

Через семьсот тридцать семь дней четыре часа и восемь минут после этих слов, в воскресенье, я обнаружил себя в прихожей собственной квартиры натирающим мазью лыжи. Вообще-то, до лыж я охоч с роду не был. Не то чтобы брезговал, хотя и близко к сердцу не принимал. Мне всегда

казалось странным, что взрослые и здоровые организмы суеются между сосен, прилепив к ногам штакеты, вместо того чтобы, предположим, колоть рогатиной мишку-шатуна или на худой конец снулого демократа.

Но, так или иначе, я все-таки лыжи в прихожей мазал, а через какие-то полчаса, понукаемый женой, лез в тушинские придорожные кущи. Мимо нас то и дело бодро мельтешили соотечественники. Как мне казалось, в большинстве своем они страдали язвой, однако попадались анонимные алкоголики и граждане излишне нервных повадок.

После бессмысленной двадцатиминутной погони за моей шустрой голубкой я приумерил ритм скольжений, потом и вовсе остановился. Мое внимание привлекла свежая лыжня, уходящая в чащу, влево от основных трасс здоровья. Надеюсь сократить путь, я свернул на эту сиротливую лыжню. Через пять минут мой влажный от абсурдных телодвижений организм выехал на опушку.

Посреди нее стояли «Жигули» четвертой модели, неведомо как захавшие сюда. Рядом же

с машиной нетерпеливо переминались с ноги на ногу трое лыжников и один в штатском. Тот, что в штатском, алчно разливал лыжникам из заиндевевшей бутылки водку в пластмассовые стаканчики. Лыжники застенчиво употребляли алкоголь и розовели щеками. Самый пожилой спортсмен заметил меня и приветливо поинтересовался: «С семьей отдыхаем?»

— Ага, — согласился я.

— Расценки знаешь? — продолжил он расспросы.

— Нет, — устыдился я.

— Чирик, — проинформировал осведомленный господин, но тут же успокоил: — По первой за счет заведения. За муки, так сказать.

К крайнему изумлению собравшихся, я отказался от презентационной порции, сославшись на вынужденно принятые антибиотики. В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что практику розлива веселящего в лесу наладил владелец местного питейного заведения. Наладил еще в начале лыжного сезона, настрадавшись сам от неумеренного

пристрастия жены к оздоровительным играм на пленэре.

Из леса я вышел окрыленный психическим здоровьем нации и надеждами на следующие выходные. А вечером мы с нежной моей физкультурницей Оксаной как законопослушные горожане предприняли променад в Дом кино.

В Доме кино вашим покорным слугам улыбнулась удача, и мы встретили среди остальной празднующейся публики нескольких настоящих кинематографистов. К сожалению, один из них был мосфильмовским дурачком Борисом Б...ком, но это все-таки лучше, чем совсем ничего. Мы поставили ему шампанского, а он в очередной раз сладострастно нахамил нам.

— Чижик, а ты когда-нибудь на лыжи вставал, тянул ноздрями мороз с привкусом спелой кедровой шишки? — все-таки уточнил я у него.

— Сволота! Все бездари, а я — Сальвадор Дали! — звякнул бусами тот.

Удовольствовавшись постоянством неудавшегося авангардиста, мы наскоро перекусили

и, от греха подальше, покинули дом кинематографической скорби. Больно уж чесались у моей нежной голубки крылышки проломить пустую башку Б...ка подаренной ему бутылкой.

По пути домой, в машине, меня захлестнула волна нежности. Я вспомнил лес, уходящую влево лыжню и осмысленные глаза своих соотечественников, укрывшихся в чаще от дьявольской несвободы мира. Я тронул губами кончики пальцев на руке возлюбленной и сказал:

— Каре миа! Я видел страны и людей, я кушал мозг обезьяны и катался на страусах, но разве это сравнимо с гулким перестуком березовых почек?! Разве есть что-либо более категоричное для здравого смысла, чем лыжная прогулка?! Я горжусь собой! Будешь ли ты рядом в следующий уик-энд, сладкая боль моя?!

— Каре миа! — шепнула она. — Я, конечно, буду рядом, сверхзвуковой мой!

На киллера!

Когда-то я мечтал о коньках. Недолго. Мне их купили. Потом я мечтал о женщинах. Тоже очень недолго. Потом я перестал мечтать и перешел к доверию. Я доверял математичке Белле Васильевне, и она мне ставила двойки. Я доверял военкомату, и он меня отправлял в армию. Я доверял каждому придорожному указателю. Потом перестал доверять, и у меня начался Великий пост. Так что вчера, расцеловав каждый локон на голове своей нежной лани — супруги Оксаны, я потрусил чреслами в сторону гастронома в поисках банки фасоли и батона хлеба «Ароматный».

Хотелось себя изнурить, чем, собственно, я и занялся. Прежде всего мое изощренное сознание представило мне реестр нелюбимых постных блюд, за сим последовал неудобоваримый распорядок дня, исключаяющий отдых и высыпание, на десерт было предложено критическое отношение к собственному творчеству, что было сложнее всего вышеупомянутого, поскольку писал я всегда озорно. Но нет ничего невозможного, и я начал поиск механизма самобичевания. Вскоре стало ясно, что для достойного отчета перед вечностью мне как минимум необходимо судорожно лакать водку, что гарантировало понижение уровня профпригодности, проводить как можно больше времени с кумом Мишкой Ефремовым и своими закадыками Андреем Орловым и Гариком Сукачевым, что привело бы к полному физическому и психическому истощению, а также исключить из своего рациона всю постную пищу и ограничиться хорошо прожаренной свининой, печеным вальдшнепом и сытной порцией устриц — для пресечения псевдоподвижнических иллюзий.

Однако, наученный горьким опытом общения с собственной головой, я позволил себе усомниться в предложенной провокации и вернулся к банке фасоли, не вызывающей, в отличие от других земляных фруктов, рвотных позывов, хотя и грешащей ветрами.

Как выяснилось, со мной делили трапезу большинство столичных вертопрахов. Уж не знаю, каковы их побуждения, но посещение «Вудстока» на Люсиновской вызывало в моей сирой душе умиление: за ближним к барной стойке столом сидела компания местного хулиганья во главе с печально известным Витамином и молча ковыряла истатуированными руками кислую капусту.

— Как досуг размениваем, острожники? — поприветствовал я их.

— Постничаем мы, — твердо ответил за всех Витамин, но уточнил: — На киллера идем.

Тут в разговор вступил Гнус и в двух словах рассказал, что заприметил на крыше дома напротив неизвестного гражданина в черном.